

УДК 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-3/303-318

Научная статья

© Т. А. Титова, Е. В. Фролова

РЕЛИГИОЗНОЕ ПРОСТРАНСТВО КАЗАНИ: ИДЕНТИЧНОСТИ И ПРАКТИКИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Актуальность статьи обусловлена необходимостью изучения особенностей конфессионального пространства крупных полиэтничных городов Российской Федерации. Статья написана на материалах этносоциологического исследования, проведенного в г. Казань в 2021 г. Цель работы заключается в анализе идентичности и практик трех численно преобладающих в конфессиональном пространстве Казани социальных групп — мусульман, православных и неверующих (атеистов). Авторами рассмотрена содержательная сторона восприятия верующими своей конфессиональной идентичности, описана динамика состояния внутри- и межгрупповых (межконфессиональных) отношений в оценках верующих и неверующих. Проанализирован общий социально-психологический настрой в изучаемых группах. Сделан вывод о том, что тренд на «мирное сосуществование» разных мировоззрений подкрепляется ростом в группах верующих численности тех, кто занимает позицию осознанного выбора религии самим человеком и самостоятельным приходом к вере. Показано, что неверующие горожане чаще настроены более критично, чаще высказываются против усиления роли религии в различных сферах общественной и политической жизни. Материалы статьи могут быть полезными для социологов, психологов, социальных и культурных антропологов, политологов, а также представителей органов и структур, курирующих вопросы политики в этнической и религиозной сферах.

Ключевые слова: идентичность, религиозность, этничность, трансмиссия ценностей, практики

Ссылка при цитировании: Титова Т. А., Фролова Е. В. Религиозное пространство Казани: идентичности и практики (по материалам этносоциологического исследования) // Вестник антропологии. 2023. № 3. С. 303–318.

Титова Татьяна Алексеевна — профессор, д. и. н., профессор кафедры антропологии и этнографии, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Российская Федерация, 420008 Казань, ул. Кремлевская, 18). Эл. почта: tatiana.titova@rambler.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5921-3287>

Фролова Елена Валерьевна — доцент, к. и. н., доцент кафедры антропологии и этнографии, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Российская Федерация, 420008 Казань, ул. Кремлевская, 18). Эл. почта: elenaieup@mail.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2125-5443>

UDC 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-3/303-318

Original article

© *Tatiana Titova and Elena Frolova*

RELIGIOUS SPACE OF KAZAN: IDENTITIES AND PRACTICES (THE RESULTS OF ETHNOSOCIOLOGICAL RESEARCH)

This article seeks to contribute to the trend of studying the confessional space of large multi-ethnic cities of the Russian Federation. It is based on the ethnosociological study conducted in Kazan in 2021. The purpose is to analyze the identity and practices of three numerically predominant social groups in the confessional space of Kazan — Muslims, Orthodox and non-believers (atheists). The authors studied the content of believers' perception of their confessional identity, described the dynamics of intra- and inter-confessional relations in the assessments of believers and non-believers, analyzed the general socio-psychological atmosphere in the studied groups. It is concluded that the trend towards "peaceful coexistence" of different worldviews is supported by the growing number of believers who propagate conscious choice of religion and independent coming to faith. It is shown that non-believers more often speak out against the strengthening role of religion in various spheres of public and political life. The results may be useful for sociologists, psychologists, social and cultural anthropologists, political scientists, and bodies in charge of ethnic and religious policy.

Keywords: *identity, religiosity, ethnicity, transmission of values, practices*

Authors Info: **Titova, Tatiana A.** — Doctor of History, Professor, Professor of the Department of Anthropology and Ethnography, Kazan Federal University (Russian Federation, Kazan). E-mail: tatiana.titova@rambler.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5921-3287>

Frolova, Elena V. — Ph. D. in History, Associate Professor of the Department of Anthropology and Ethnography, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation). E-mail: elenaieup@mail.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2125-5443>

For citation: Titova, T. A. and E. V. Frolova, 2023. Religious Space of Kazan: Identities and Practices (the Results of Ethnosociological Research). *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)*. 3: 303–318.

Конфессиональное пространство Казани сложносоставное и характеризуется разнообразием его представителей с очевидным численным доминированием последователей православия и ислама. В настоящее время в городе действуют 136 религиозных учреждений: 70 мечетей, 45 православных храмов, 5 старообрядческих культовых объектов, 1 католический собор, 12 церквей протестантских направлений и деноминаций, 1 синагога, молельные дома веры Бахаи и Общества сознания Кришны (Официальный портал мэрии города Казани). При этом важной частью религиозного пространства города выступают и неверующие горожане (атеисты). Таким образом, исследовательское обращение к тематике религиозности казанцев

неслучайно. Его актуальность подтверждает и то, что исследование особенностей конфессионального состава населения крупных полиэтничных городов является важной составной частью предметного поля антропологии города (см., например: Будина 1977; Шабаетов 2013; Мартынова 2013). Наше исследование подразумевает решение нескольких задач при изучении трех численно преобладающих социальных групп — мусульман, православных и неверующих (атеистов):

— рассмотреть содержательную сторону восприятия верующими своей конфессиональной идентичности и религиозных практик;

— проследить динамику состояния внутри- и межгрупповых (межконфессиональных) отношений в оценках верующих и неверующих;

— охарактеризовать общий социально-психологический настрой в изучаемых группах.

Стоит обратить внимание, что объективных полновесных статистических данных по количеству религиозных / (не)верующих горожан в официальных источниках нет, так как в листах проводимых переписей населения данный вопрос не отражается. Для исследовательской практики возможно использование лишь косвенных данных и/или личных полевых материалов на основе репрезентативной выборки. В настоящем очерке отражены некоторые выводы и обобщения по картине религиозности жителей г. Казани на основе ежегодных комплексных этносоциологических исследований населения Республики Татарстан за период 2018–2021 гг. Так, в последнем исследовании религиозности жителей Казани, проводившемся в 2021 г., приняли участие 840 горожан, из них 42,1% — мужчины; 57,9% — женщины. Возрастные когорты представлены следующим образом: от 18 до 30 лет — 33,2%; 31–50 лет — 39%; 51 год и старше — 27,7%. В этническом плане респонденты — татары (38,7%), русские — (50%), представители иных этнических групп (башкиры, чуваша, марийцы, мордва, удмурты, казахи, таджики, узбеки, азербайджанцы и др. — 11,3%).

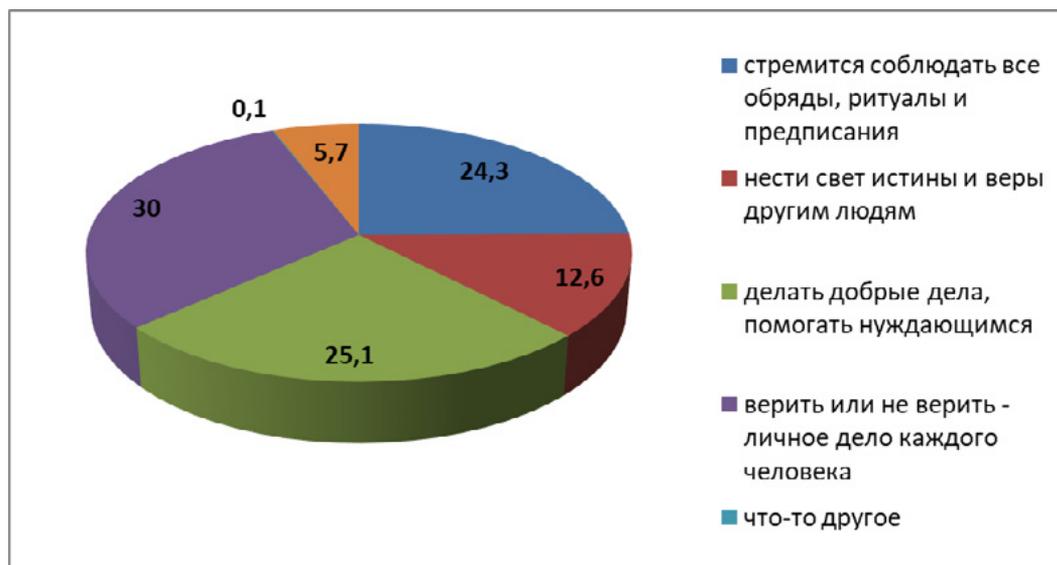
Опрошенные были разделены на три численно равные группы — мусульмане, православные и атеисты.

В контексте изучения содержательной стороны конфессиональной идентичности важно проследить динамику религиозного мировоззрения и поведенческих аспектов религиозности, а также выявить динамику отношения казанцев из изучаемых групп к механизмам трансмиссии религиозных ценностей. Так, для горожан-татар и горожан-русских сохраняется роль религии как важного солидаризирующего и идентификационного фактора. Этническая и конфессиональная идентичность в сознании респондентов, органично переплетаясь, дополняют друг друга, а религия выступает одним из маркеров этнической идентичности — соответственно, ислама для татар, православия для русских. Вместе с тем, среди неверующих казанцев доля русских почти вдвое больше, чем доля татар, что может говорить о несколько меньшей значимости однозначной религиозной идентификации для русских г. Казани по сравнению с татарами.

Содержательная сторона религиозной идентичности горожан не претерпевает существенных изменений за последние годы и остается достаточно стабильной. В общем, казанцы делают акцент не на догматической стороне религиозности (необходимости максимально строгого выполнения предписываемых религией норм и ритуалов), а на предписываемой религией определенной модели нравственного поведения («делать добрые дела», «помогать нуждающимся») (см. Рис. 1).

Рисунок 1.

«Что значит быть верующим человеком?» (г. Казань, 2021 г., %)

При этом все-таки чуть более ярко выраженная догматическая ориентация на стремление соблюдать предписанные религиозные обряды и ритуалы остается характерной для горожан-мусульман. Поэтому не случайно, что казанцы-мусульмане критично и острее воспринимают отход от выполнения предписываемых религией норм и правил, что находит выражение в определенном беспокойстве и недовольстве:

«Ислам в Татарстане как догма для большинства семей, даже не особо верующих. Сейчас очень часто, например, мои ровесники с этим сталкиваются, что им дали имя при рождении муллой, да, значит мусульманин. Но не потому, что родители «гиперверующие», а просто потому, что «так надо», потому что «мы же тоже мусульмане». Мусульмане, которые а) не держат пост, б) не ходят в мечети, в) не читают намаз, г) едят все, что хотят, даже свинину, даже сало, я уж молчу про алкоголь и д) ходят, как хотят, в плане одежды. Но при этом при разговорах такое сильное самосознание себя мусульманами, что «жену надо мусульманку», «обязательно никах, нечего жить в грехе» и так далее. И порождают такие «мусульмане» таких же «мусульман». Ну и зачем?» (ПМА 2021, фокус-группа — мусульмане).

Таким образом, и для многих непрактикующих мусульман их религиозная идентичность может носить поверхностный, событийный характер и основана, в первую очередь, на (само)идентификации.

Вместе с тем, у респондентов-мусульман в большей степени выражена ориентация на религию как на этноинтегрирующий признак, религия для татар-мусульман — один из ключевых факторов сохранения и этнической (само)идентификации, усиливающей этнические чувства и способствующей межпоколенной этнокультурной трансмиссии:

«Я думаю, что это (исламские традиции среди татар — прим.) позволило сохранить целостность народа. Потому что, если мы говорим про ислам, то в первую очередь это способствует целостности народа, а также чести семьи, чести женщины в особенности. Это позволило сохранить культуру, и, в частности, язык на том уровне, который мы сейчас имеем. Но, к сожалению, теряем, как и теряют веру люди» (ПМА 2021, фокус-группа — мусульмане).

«Но, конечно, в Татарстане играют [большую роль] духовные учреждения. Не только благотворительность или там чтение молитв. Здесь еще есть такие тонкости сохранения татарского народа. То есть проводятся курсы при мечетях, сохранение татарского языка, татарской культуры. В курсах для посетителей можно узнать об истории Татарстана, об истории татарского народа, курсы также есть каллиграфия, так как наши предки любили заниматься каллиграфией. Есть такие курсы ахляка (исламские этические нормы и правила поведения — прим.) для детей» (ПМА 2021, фокус-группа — мусульмане).

Доля респондентов, рассматривающих собственную религиозность в контексте социально значимой деятельности («делать добрые дела, помогать нуждающимся, не ожидая в ответ благодарности») остается стабильным на протяжении последних лет у мусульман (более трети респондентов) и снижается у православных. Половина неверующих стабильно придерживаются теории личного выбора («верить или не верить — личное дело каждого человека»). Также можно отметить факт отсутствия среди верующих значительного запроса на прозелитизм и обязательное распространение своего учения верующим человеком («нести свет истины и веры другим людям» — около 10% в среднем по годам у обеих верующих групп и 3–5% среди неверующих). Вера, по большей части, остается внутренним (самой личности или микрогруппы — семьи, родных, близких) делом, которое должно подкрепляться очевидно положительными действиями, под которым чаще всего понимается благотворительность и общественное признание. Среди всех трех групп (мусульмане, православные, неверующие) высказываются схожие мнения, что религиозные институты в современном обществе должны выполнять социальные и гуманитарные функции, прежде всего, просветительские, интегрирующие, благотворительные, компенсаторные («психотерапевтические»):

«Какая-то просветительская, наверное, функция, а именно рассказывать о религии. И вторая — это, конечно, поддержка ценностей общества, которые в принципе должны быть и в светском обществе, но именно религия как-то упорядочивает. И также вот сейчас очень часто всплывает такого рода вопрос, как благотворительность. И именно почему-то связывают чаще всего с религией, что с православием у нас в республике, что с исламом. И это тоже очень полезная для общества функция, которая приносит пользу обществу. Так, а почему нет, только всеми руками «за», то есть это помощь нуждающимся с той же самой едой, кровом. Очень такая полезная, хорошая функция, которая реализуется не только у нас в Казани, но и во многих других городах республики» (ПМА 2021, фокус-группа — мусульмане).

«Основная роль церкви в республике — это все-таки духовная составляющая, это молитва, некие обряды религиозные. Есть у нее функция объединения, потому что именно в церкви ты можешь познакомиться с людьми любого слоя общества. Из любой профессии, из интересов совершенно различных. Церковь — это такое место, куда может прийти совершенно любой человек. Соответственно, там ты можешь встретить кого угодно. По своему опыту могу сказать, что именно в церкви я с очень многими людьми познакомилась. Еще есть частое мнение, что функция религии — помогать нуждающимся, людям в тяжелой жизненной ситуации» (ПМА 2021, фокус-группа — православные).

«Религия и религиозные институты должны выступить скорее какой-то психологической помощью для определенных слоев населения, то есть можно рассмотреть опять влияние двоякое. С одной стороны, как вербуют разные террористические организации в свои ряды как раз тех людей, у которых сложная психологическая ситуация. Они пользуются этим и вербуют в свои ряды как раз таких, у кого надломлен внутренний стержень. С другой стороны, я наблюдал видео из конца 90-х — начала 00-х, когда как раз разные религиозные организации помогают выбираться из сложной ситуации разным наркоманам. И пусть это выглядит как-то неприятно, когда наркоман излечился или только лечится, и он во всем благодарит только Бога, несмотря на то, что там возможно применялись другие какие-то лекарства или еще что-то. Но в целом, если религия и религиозные организации могут помочь людям в борьбе с этим, с такими тяжелыми ситуациями, как наркомания и алкоголизм, то я думаю, что в принципе это хорошие функции. Но опять-таки, те функции, что я указал в начале, они не соответствуют идеальному такому видению» (ПМА 2021, фокус-группа — неверующие).

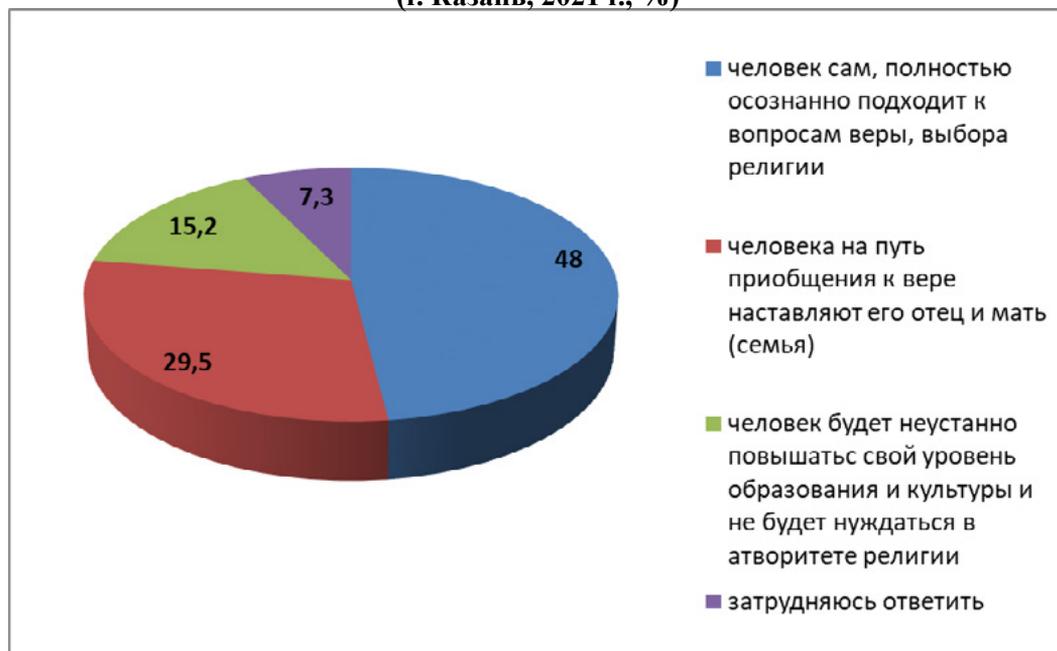
Верующие респонденты демонстрируют схожие позиции в вопросах, касающихся религиозной социализации и трансмиссии религиозных ценностей. Среди как мусульман, так и православных по сравнению с предыдущими годами увеличилось количество тех, кто занимает позицию осознанного выбора религии самим человеком («человек сам, полностью осознанно, подходит к вопросам веры, выбора религии»). В среднем это половина из обеих групп. А вот число верующих, представляющих семью инструментом трансмиссии религиозных ценностей («человека на путь приобщения к вере наставят его отец и мать (семья), поскольку религию не выбирают»), в обеих группах за последние годы незначительно уменьшилось: у мусульман с 46,1% в 2020 г. до 44,3% в 2021 г., а у православных с 41,4% в 2020 г. до 38% в 2021 г. соответственно. Схожая картина представляется при анализе ситуации в целом по городу без разделения по группам (не)верующих (см. Рис. 2).

Среди неверующих вполне логично возрастает число считающих, что поступательное социально-гуманитарное и техническое развитие человека и общества постепенно приведет к отсутствию потребности человека в религии («человек будет неустанно повышать свой уровень образования и культуры, и не будет нуждаться в авторитете религии») — уже более 38%. Среди верующих эта позиция логично не получает распространения — не более 5% по группам.

При оценке собственного уровня религиозных знаний респондентам свойственна определенная критика своей теоретической подготовленности:

Рисунок 2.

**«Как в современном обществе происходит передача религиозных ценностей?»
(г. Казань, 2021 г., %)**

«Мне кажется, сколько ты не идешь, все кажется, что ты в начале пути. Столько всего написано, что не перечесть. Хоть я и давно в церкви, но такой вопрос субъективный, как оценить свои знания. Порой даже чего-то элементарного не знаешь» (ПМА 2021, фокус-группа — православные).

В контексте трансмиссии религиозных традиций и соответствующих им практик интересен также факт более лояльного отношения у респондентов-православных к интернет-источникам, как средству (подчас единственному доступному и авторитетному) получения информации, чем у респондентов-мусульман, оказавшихся более консервативно настроенными:

«Сейчас в церкви на службе верующие стоят не только с книгами, но и с телефонами — потому как так некоторым удобнее. И это не есть что-то плохое. Это допустимо. Главное, что человек пришёл, и человек молится. А посредством бумажной книги или электронного приложения он исполняет свои духовные потребности это уже не важно. Есть блоги батюшек, беседы с паствой, в конце концов, есть целый телеканал «Спас», а также каналы на Ютуб. Интернет сейчас такой же инструмент в руках Церкви, как бумажные книги ранее» (ПМА 2021, фокус-группа — православные).

«Считаю, что искать информацию в Интернете о вопросах, касающихся религии, возможно, но сама я к такому не прибегала. Я считаю, что проще и надежнее спросить об интересующих меня вещах именно у тех, кто об этом знает вживую. У того же муллы, у бабушки или в книге где-то прочитать. То есть я не прибегала к поиску в Интернет-ресурсах. Я думаю, что это желание пере-

далось мне от бабушки, которая заботилась обо мне. И желала мне только самого наилучшего. И говорила читать молитвы и ходить в мечеть» (ПМА 2021, фокус-группа — мусульмане).

Казанцы признают значительные коммуникационные возможности Интернета как доступного хранилища неограниченного количества религиозной информации. Вместе с тем, отношение к Интернету, как к источнику религиозных знаний, достаточно осторожное из-за возможного наличия непроверенных (ложных) и прямо деструктивных сведений:

«Лучше обратиться по тем источникам, которые официальные, подтвержденные ДУМ РТ (Духовное управление мусульман Республики Татарстан — прим.). Конечно это «Ислам today», как минимум. Эти сайты наиболее проверены. Потому что в Интернете сейчас много всяких форумов, сайтов. Но не стоит забывать, что есть и ваххабитские, салафитские, их особо не отличить в плане того, что вопросы то те же самые. Но может быть искажено некоторое толкование, объяснение. Например, по поводу чтения каких-то молитв и так далее. Сам я, конечно, [получаю религиозную информацию] по книгам или по источникам ДУМ» (ПМА 2021, фокус-группа — мусульмане).

«В Интернете неоднократно встречала не то, чтобы даже какую-то обширную литературу по этому вопросу, а сообщества типа «Православие и вера», «Подслушано у православных» и так далее. Конечно, в этих сообществах нужно быть осторожным и смотреть внимательно, кто, что, по поводу чего говорит. А по поводу литературы, я думаю, что в Интернете можно найти по этому вопросу хорошие и стоящие источники. Конечно, на бытовом уровне можно в каких-то сообществах что-то уточнить, но всегда надо критично относиться» (ПМА 2021, фокус-группа — православные).

Говоря о динамике состояния внутри- и межгрупповых (межконфессиональных) отношений, можно отметить, что во всех изучаемых группах по сравнению с предыдущими годами увеличилось количество респондентов, оценивающих ситуацию в религиозной сфере Республики Татарстан как «в целом, спокойную, стабильную». У мусульман это 78,9%, у православных — 70,9%, у неверующих — 67,3%.

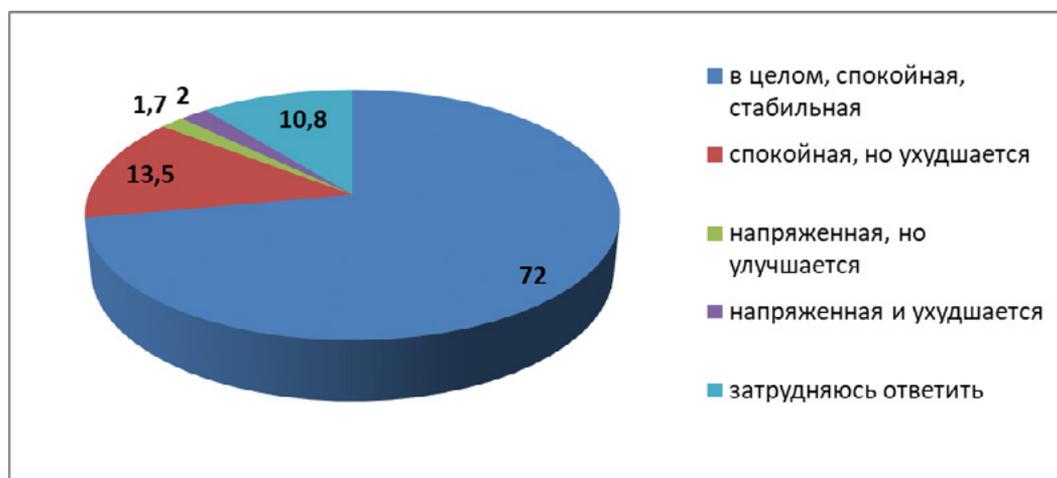
Также уменьшилась доля респондентов, выбирающих умеренную позицию, но с негативной тенденцией «ситуация спокойная, но ухудшается». Как и ранее, более позитивно оценивают ситуацию мусульмане: среди них наибольшее количество респондентов оценивает ситуацию как «спокойную, стабильную». Выбор позиций негативного характера («напряженная, но улучшается», «напряженная и ухудшается») носят эпизодический характер в пределах статической погрешности. Также стоит отметить, что неверующим сложнее оценивать (пусть даже субъективно) религиозную ситуацию: выбор позиции «затрудняюсь ответить» среди них встречается в среднем в полтора раза чаще, чем в группах верующих.

Сходную в целом позитивную картину религиозного фона демонстрируют результаты и в срезе локализации, то есть данные по самому городу Казани, а не по изучаемым группам. Если в 2020 г. казанцы вне зависимости от религиозной принадлежности оценивали религиозную ситуацию как «в целом, спокойную, стабильную» на «спо-

койной, но ухудшается» считали ситуацию 17% горожан, то в 2021 г. эти показатели изменились в позитивную сторону до 72% и 13,5% соответственно (см. Рис. 3).

Рисунок 3.

**«Как Вы оцениваете ситуацию в религиозной сфере республики?»
(г. Казань, 2021 г., %)**

Оценка ситуации в сфере межэтнических (межнациональных) отношений в 2021 г. стала несколько более позитивной, чем в 2020 г. Количество респондентов, считающих, что «напряженность начинает расти» снизилась у представителей всех исследуемых групп, но особенно заметно у православных и неверующих — почти в два раза. Сейчас стабильной и спокойной ситуацию считают 70–80% во всех группах. Если в 2020 г. фиксировалось небольшое ухудшение оценок ситуации в межэтнической сфере в Казани, то в 2021 г. ситуация изменилась. В Казани оценки ситуации в межэтнической сфере стали, с одной стороны, позитивнее: количество респондентов, выбирающих позицию «в целом, спокойная, стабильная» выросло с 68,3% до 70%. Но с другой стороны в три раза возросло и число горожан, выбирающий пункт «ситуация в целом, напряженная, конфликтная» — с 2,3% до 7,1%.

Вместе с тем, большинство респондентов либо полностью исключают вероятность локальных конфликтов на религиозной почве, либо считают ее маловероятной:

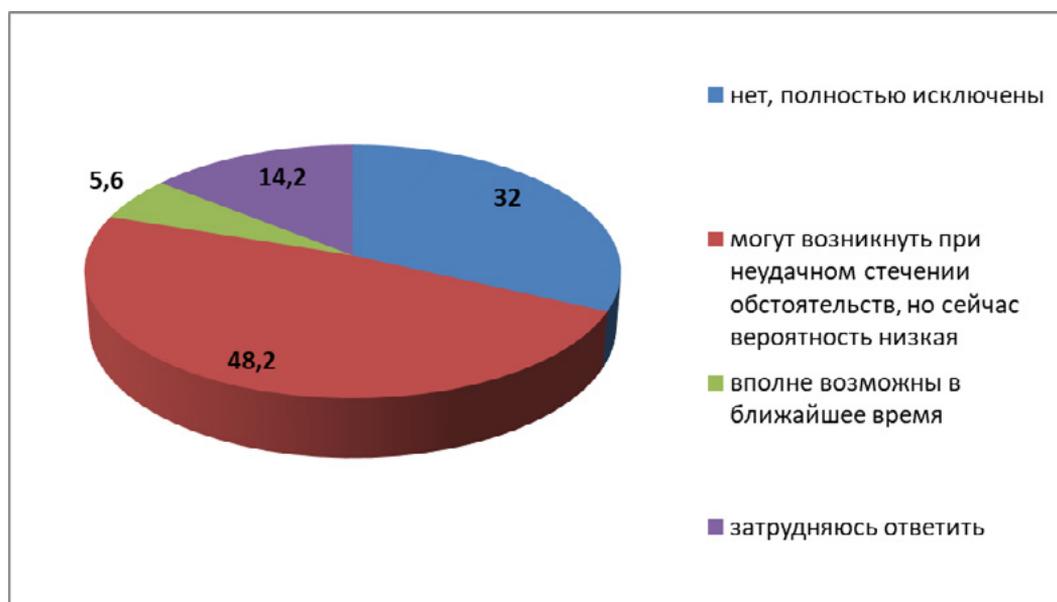
«Да, я думаю, в целом, [характер межрелигиозных отношений] носит позитивный характер. Главные положительные моменты — баланс между двумя преобладающими религиями: православием и мусульманством. То есть если праздники, то освящение в прессе и тех и других главных праздников. Глава республики поздравляет с праздниками людей обеих конфессий. При угрозе распространения коронавируса — единое выступление митрополита Казанского и муфтия Татарстана с обращением к народу республики. В дни поста в предприятиях общепита можно встретить постные блюда. Всё это создаёт картину целостности народа и её неделения по конфессиональному признаку» (ПИМА 2021, фокус-группа — православные).

«Ради интереса решил посмотреть количество церквей и мечетей по Татарстану, по Набережным Челнам, там друзья живут. На удивление, это было практически равное количество, но в зависимости от района изменялось немного, но примерно было равным. Это очень интересно в плане, что Татарстан преимущественно нетатарстанцами считается мусульманской республикой. Но как видим, у тех же православных есть вполне все условия. И праздники православные тоже прекрасно в республике отмечаются, и трансляции из храмов ведутся. И каналы ТВ тоже тут прекрасно ловят, вещают. Другой вопрос, что как будто бы во всем этом притесняют людей, кто не принадлежит ни к одной конфессии» (ПМА 2021, фокус-группа — неверующие).

Количество респондентов, считающих, что такая негативная возможность вероятна, обычно невелико и составляет чуть больший процент среди неверующих жителей — 7,4% против 4,1% у православных и 2,9% у мусульман. Почти половина респондентов из трех групп выбирают ответ, что конфликты «могут возникнуть при неудачном стечении обстоятельств, однако маловероятны». Казанцы вне зависимости от религиозной принадлежности считают маловероятным конфликт на религиозной почве в своем населённом пункте (см. Рис. 4).

Рисунок 4.

**«Возможны ли в Вашем городе конфликты на религиозной почве?»
(г. Казань, 2021 г., %)**

Вместе с тем, несмотря на общую положительную оценку ситуации во внутрирелигиозной и межконфессиональной сферах, полевые материалы показывают присутствие определенных противоречий, носящих скорее не явный конфликтогенный характер, а демонстрирующих определенное вполне преодолимое непонимание между группами. Во-первых, это существующие противоречия между верующими и атеистами:

«Ссора между православным человеком и мусульманином не повлечет за собой кого-то масштабного конфликта. Другое дело, что сейчас ситуация осложнена, не как в целом в Татарстане, но в Казани: атеистично настроенная молодежь выступает против расширения роли религии. Мне кажется, большие всего вероятен в этом конфликт: между религиозными и нерелигиозными» (ПМА 2021, фокус-группа — мусульмане).

«И всё чаще в социальных сетях, да вообще в Интернете много различных пабликов и мемов [высмеивающих религию и верующих людей]. Я считаю, это связано с тем, что в частности люди боятся перегибов, появления фанатиков, и что будут навязывать своё мнение. У каждого должно быть своё мнение. Но я считаю, что твоё мнение не должно касаться посторонних людей. Как вот эта ситуация на марафоне, когда фотографировались эти бедные девушки на фоне мечети. (В мае 2021 г. перед началом Казанского марафона участницы забега в обтягивающей спортивной одежде устроили разминку на фоне мечети Кул-Шариф; заместитель муфтия Татарстана назвал инцидент неприемлемым — прим.) Это тоже такой двоякий вопрос. Может быть, никто и не собирался оскорблять, кого-то задеть» (ПМА 2021, фокус-группа — мусульмане).

«В целом, я в религии не вижу ничего плохого. Единственное, меня раздражают люди, которые делают из этого какой-то культ, начинают быть не просто религиозными, а какими-то фанатиками. Например, разговаривать с человеком, а потом резко время намаза, и они начинают читать, то есть видно, что они мешают людям, говорят, что «у нас по времени все». И меня такие проявления очень бесят. Ведь из-за таких людей представления обо всем исламе же складывается в негатив. Также из-за христиан, которые ходят там, собирают деньги, тоже в целом обо всей религии изменяется мнение» (ПМА 2021, фокус-группа — неверующие).

Во-вторых, это беспокойство мусульман из-за возможного обострения противоречий между различными течениями ислама, в том числе вследствие агрессивного прозелитизма радикальных фундаменталистских идей, импортируемых из-за рубежа и входящих в противоречие с так называемым «традиционным для татар исламом»:

«Республика Татарстан ставится в пример как многоконфессиональная территория с высоким уровнем доверия разных конфессий друг к другу и уровнем дружбы. Я даже считаю, что тут скорее возможен конфликт между различного рода группировками в самом исламе. Опять же взять тех же самых салафитов и суфийские какие-то движения. Я думаю, что да, такое имеет место быть. Если одна группа начнет притеснять другую» (ПМА 2021, фокус-группа — мусульмане).

«Конфликт невозможен между так называемыми традиционными религиями, а [может быть] связан с активными действиями тех религиозных организаций, которые являются запрещенными в Российской Федерации. Радикального характера, потому они и запрещены. Почему-то при вопросе о конфликтах мы всегда думаем о противодействии православия и ислама. Но мне кажется, что гораздо более опасные — это как раз таки эти организации экстремистского

толка. И дело не в том, что они не верят так, как православные и мусульмане, и поэтому они деструктивными резко стали. Но как практика показывает, именно в их рядах появляются люди с такими идеями. Но их взгляды и так подразумевают неравенство в религиозной сфере» (ПМА 2021, фокус-группа — православные).

Также практикующие мусульмане обеспокоены созданием негативного имиджа ислама в общественном пространстве страны и высказывали опасения, что деятельность обобщённых «православных активистов» приводит к дискриминируемому положению ислама в стране:

«Если сравнивать с положением [ислама и мусульман] в Российской Федерации, то в Татарстане оно намного лучше, конечно, в плане соблюдения каких-то норм и свободы вероисповедания. На уровне России ислам воспринимается как некое маргинальное движение, секта даже, можно сказать. И в этом плане у нас очень хорошо «работают» православные активисты. К сожалению, в Татарстане я наблюдаю очень низкий уровень этнических мусульман из тех, кто причисляет себя к исламу. И меня радует, не может не радовать, опять же, что среди русских очень много тех, кто задает вопросы и выбирает в качестве своей религии ислам» (ПМА 2021, фокус-группа — мусульмане).

Ощущаемый респондентами уровень социально-психологического самочувствия и комфорта в конфессиональном пространстве города и республики остается достаточно стабильным за последние несколько лет. Большинство представителей конфессиональных групп отмечают, что чувствуют себя вполне комфортно. Суммарно пункты «абсолютно комфортно» и «скорее комфортно» набирают до 90%. Количество респондентов, выбирающих позицию «абсолютно комфортно» значительно увеличилось среди неверующих и осталось почти неизменным среди православных. Таким образом, сохраняется тенденция, что респонденты-мусульмане несколько чаще выбирают позицию «абсолютно комфортно», чем православные. В 2021 г. эту позицию существенно чаще стали выбирать неверующие респонденты. Но вместе с тем, они же по-прежнему чаще верующих групп (в три-четыре раза) выбирают позицию «скорее некомфортно» (см. Рис. 5).

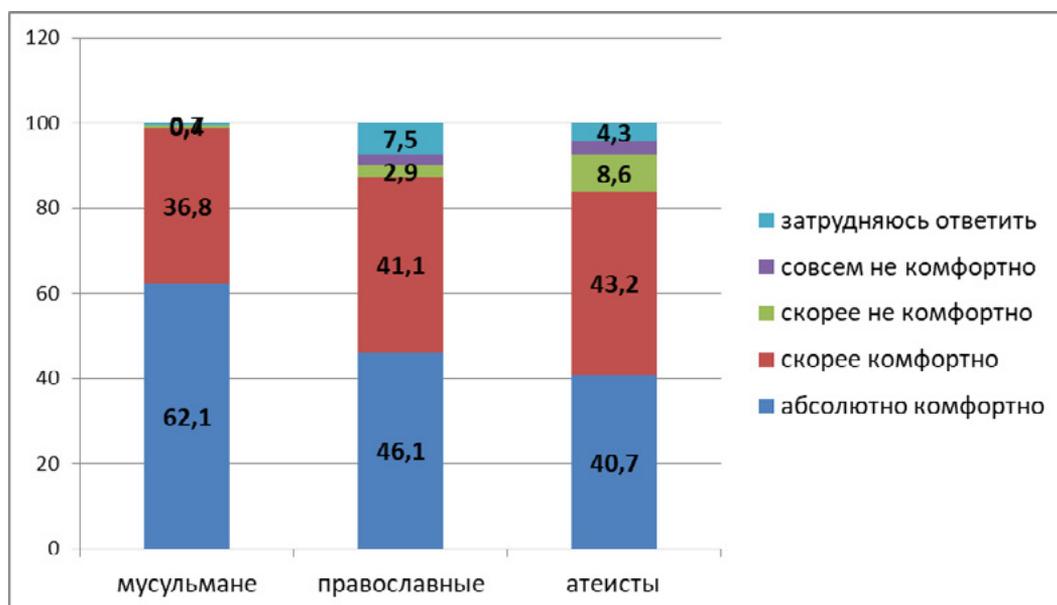
Вместе с тем, неверующие горожане также высказывают мнение, что верующие группы чувствуют себя более комфортно, что связано с более привилегированным отношением со стороны государства, особенно в контексте закона об оскорблении чувств верующих:

«Разделять людей на верующих и неверующих, и при этом давать одним больше, а другим меньше — такого быть не должно. Но если смотреть даже по правовой ситуации в России сейчас, то это закон об оскорблении чувств верующих — это просто...это нечто. Это перевес чаши весов, он просто очевиден. Так не должно быть» (ПМА 2021, фокус-группа — неверующие).

В сфере неформального бытового взаимодействия можно отметить следующие особенности. Так, религиозные практикующие горожане четко ориентированы на монорелигиозные браки, что индуцируется не столько предубеждением к иной

Рисунок 5.

«Насколько следующим группам комфортно в Татарстане?»
(г. Казань, 2021 г., %)

вере (по крайней мере, декларативно), сколько тем, что люди одних религиозных убеждений лучше понимают друг друга в жизненных обстоятельствах:

«Лучше конечно брать [брачного партнера] из ислама, в плане того, что вместе держась друг за друга и так далее. Какие-то вопросы друг другу пояснять и поддерживать. Но я, конечно, могу привести пример моих бабушки и дедушки. Бабушка у меня православная, а дед — мусульманин, в одной комнате иконы висят, в другой Коран стоит. Но тут возникает большой и сложный вопрос — дети. Потому что детям будет сложно определиться с религией. Вот мой папа как раз поэтому ходит и в мечеть, и в церковь. Он все еще до конца не определился» (ПМА 2021, фокус-группа — мусульмане).

«Для меня выбор супруга в зависимости от религиозного мировоззрения был важен. Это произошло в момент, когда у меня происходило воцерковление. И да, я хотела выйти замуж за православного человека. Живя с мужем уже 14 лет, я считаю, что это правильный выбор. Я бы не смогла, скорее всего, жить с человеком другого вероисповедания. То есть, если бы у меня было более поверхностное восприятие религии, то возможно было бы — все стерпится, слюбится. Все-таки для православных это важно: выбор супруга, крещение детей, обрядовость, таинства — это все должно присутствовать» (ПМА 2021, фокус-группа — православные).

«Касаемо семьи, я скажу всем известную вещь, что брак с иноверцами запрещен. То есть, если человек является верующим, православным, то брак с иноверцами запрещен. В этом не будет никакого смысла, да и пользы тоже не будет. И это

совпадает с моим мнением. Если я православный, то я буду искать православную жену себе. И я знаю позицию и исламских духовных лидеров на этот счет, и православных. Все говорят, что нужно брать себе в жены/мужья человека одной веры» (ПМА 2021, фокус-группа — православные).

Мусульмане чаще отмечают важность фактора религиозной принадлежности в повседневной жизни, при получении медицинских, образовательных и других потребительских услуг:

«Фактор религиозной принадлежности, конечно, определенную роль играет. По поводу образовательных, медицинских услуг. Единственное ограничение в плане медицинских услуг, это чтобы врач была женщина. Но я не имею в виду всех врачей, но хотя бы «женский» специалист, чтобы была женщина. Потому что когда тыходишь в кабинет и видишь, что там мужчина, то ты так разворачиваешься медленно и выходишь, думаешь «Не сегодня», как-то некомфортно. В плане тех же потребительских услуг, это опять-таки продукция «Халяль» (ПМА 2021, фокус-группа — мусульмане).

«Если говорить об услугах, то у нас меньше таких проблем, чем у тех же мусульман, у которых халяльная продукция, особые требования к женским врачам. В православии, может быть, я плохо так знаю религию, но я такого не встречала. Конечно, есть посты, но продукты, которые ты в них ешь, можно купить везде, нет каких-то особых требований. По поводу других услуг, лично для меня никакой роли вообще не играет, потому что я не вижу никакого различия. В плане образования, это вопрос нашего отношения. Мне, в принципе, без разницы. Главное, чтобы не было перегибов» (ПМА 2021, фокус-группа — православные).

Таким образом, имеющее богатый кросс-культурный опыт религиозное пространство Казани можно охарактеризовать следующим образом. Религиозная идентичность является важной частью социальной идентичности жителей Казани. Верующие горожане, независимо от религиозной принадлежности, демонстрируют схожие взгляды в вопросах религиозного мировоззрения и религиозных практик, роли религии в обществе, реализации прав верующих и формата взаимоотношений религии и государства. Неверующие горожане чаще настроены более критично, чаще высказываются против усиления роли религии в различных сферах общественной и политической жизни.

Для верующих горожан сохраняется роль религии как важного солидаризирующего фактора и интегрирующего признака, она выступает значительным инструментом поддержания этнической идентичности православных русских и татар-мусульман. Среди последних более выражена догматическая ориентация на стремление соблюдать предписанные исламом обряды и практики, что, в свою очередь, заставляет мусульман острее воспринимать отход от выполнения необходимых для «истинно верующего» норм.

У обеих верующих групп в большинстве своём отсутствует артикулированный запрос на прозелитизм и обязательное распространение своего учения в аут-группах. Вера остается внутренним (самой личности или микрогруппы — семьи, род-

ных, близких) делом, которое должно подкрепляться социально значимой деятельностью (добрыми делами, благотворительностью и т. д.). Этот тренд на «мирное сосуществование» разных мировоззрений подкрепляется и ростом в обеих группах численности тех, кто занимает позицию осознанного выбора религии самим человеком и самостоятельным приходом к вере.

Во всех изучаемых группах значительно количество респондентов, оценивающих ситуацию в религиозной сфере Республики Татарстан как «в целом, спокойную, стабильную». Более позитивно оценивают ситуацию мусульмане, неверующим сложнее оценивать религиозную ситуацию: выбор позиции «затрудняюсь ответить» среди них встречается в среднем в полтора раза чаще, чем в группах верующих. Эта же позитивная оценка в изучаемых группах сохраняется и при анализе межэтнических отношений. Большинство респондентов либо полностью исключают вероятность локальных конфликтов на религиозной почве, либо считают ее маловероятной. Вместе с тем, в религиозном пространстве казанцы выделяют определённые риски и угрозы, которые при попустительстве регулирующих институтов или сознательном негативном вмешательстве могут привести к дисбалансу тонко настроенную конфессиональную гармонию. Среди них противоречия между верующими и атеистами, конфронтация между различными течениями ислама, в том числе между импортируемыми фундаменталистскими идеями и так называемым «традиционным для татар исламом», создание негативного имиджа ислама в общественном пространстве страны.

Социально-психологическое самочувствие во всех исследуемых группах на протяжении последних лет стабильно хорошее. Большинство респондентов отмечают, что чувствуют себя социально комфортно. Среди практикующих верующих сохраняется долгосрочный и четкий тренд на конфессионально однородные браки. Стабильно высока и доля респондентов, считающих, что все жители республики обладают равными возможностями независимо от вероисповедания: позицию о равенстве возможностей разделяет каждый второй респондент во всех изучаемых группах.

Источники и материалы

- ПМА 2021 Ф. 1 — Материалы полевых исследований авторов. Фонд 1. Описание 1. Фокус-группы с жителями города Казань. Количество: 15 единиц. 2021 год.
- ПМА 2021 Ф. 2 — Материалы полевых исследований авторов. Фонд 2. Описание 1. Опрос жителей Республики Татарстан 18–70 лет. Количество: 840 единиц. 2021 год.
- Официальный портал мэрии города Казани. <https://kzn.ru/o-kazani/> (дата обращения 20.08.2022)

Научная литература

- Антропология города. Выпуск 1: Культурные символы и образы в городском пространстве. Этничность и городская идентичность / Под ред. Ю. П. Шабаева, И. Л. Жеребцова. Сыктывкар: Институт ЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2013. 192 с.
- Будина О. Р., Шмелева М. Н. Этнографическое изучение города в СССР // Советская этнография. 1977. № 6. С. 21–31.
- Современный город и социально-культурная модернизация России: X Конгресс этнографов и антропологов России, г. Москва, 2–5 июля 2013 г.: тезисы докладов / «редкол.: М. Ю. Мартынова (отв. ред.), Н. А. Лопуленко, Н. А. Белова. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2013. 301 с.

References

- Budina O. R. and M. N. Shmeleva. 1977. Etnograficheskoe izuchenie goroda v SSSR [Ethnographic Study of a City in the USSR]. *Sovetskaia etnografiia* 6: 21–31.
- Shabaev, Yu. P. and I. L. Zherebtsov (eds). 2013. Antropologiya goroda. Issue 1: *Kul'turnye simvoly i obrazy v gorodskom prostranstve. Etnichnost' i gorodskaya identichnost'* [Anthropology of the City. Issue 1: Cultural Symbols and Images in Urban Space. Ethnicity and Urban Identity]. Syktyvkar: Institut Yazika, literature i istorii UrO RAN. 192 s.
- Martynova, M. Yu., N. A. Lopulenko and N. A. Belova (eds.). 2013. *Sovremenniy gorod i sotsial'no-kul'turnaya modernizatsiya Rossii: X Kongress etnografov i antropologov Rossii, g. Moskva, 2–5 iul'ia 2013 g.: tezisy dokladov* [Modern City and Socio-Cultural Modernization of Russia: X Congress of Ethnographers and Anthropologists of Russia. Abstracts] Moscow: Institut etnologii i antropologii RAN. 301 p.